

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

**А.П. ЛЮСЬИЙ. НАШЕСТВИЕ КАЧЕСТВ:
РОССИЯ КАК АВТОПЕРЕВОД.**

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 521 с.

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Российской философской культуре свойственны эхолалия и персонологичность. Ее вклад в мировую философию не связан с натурфилософией, метафизикой, теорией познания. Главные темы отечественной философии – проблема свободы, соотношения личности и общества. И отдельным номером – судьба России. Причем эта тематика традиционно обсуждается на чрезвычайно высоком уровне эмоциональной вовлеченности. Более того, титульными фигурами отечественной философии, чьи идеи определяют ее содержание и своеобразие являются мыслители, большей частью не занимавшиеся философией «профессионально». С. Соловьев, Г. Шпет – философских кафедр были лишены, В. Розанов, Н. Бердяев, Н. Шестов – публицисты, А. Лосев, братья Бахтины, Ю.М. Лотман – профессиональные филологи, литературоведы. Л. Выготский, А. Леонтьев – психологи. Б. Поршнев, Л. Гумилев – историки. М. Вернадский, А. Любищев – естествоиспытатели. Этот ряд можно продолжать и продолжать, но закономерность явная: в российский философский канон (программы курсов, учебники) вводились и вводятся преимущественно мыслители «не профессиональные». Более того, фигуры философов вроде Гегеля, Канта, К. Поппера, т.е. кабинетного мыслителя, профессора, читающего философские курсы с кафедры, в России уважения и интереса не вызывают. Философ по-русски – это человек с непростой судьбой, свои идеи выстрадавший на личном опыте, зачастую за эти идеи – пострадавший.

Во всем остальном судьба отечественной философии – догоняющая рецепция, «эхо в ответ», то, что А. Люсьий элегантно называл «переводом». Причем, такая эхолалия иногда оборачивается парадоксальным результатом. Ладно, рецепция немецкого романтизма породила славянофильство. Но рецепция позитивизма обернулась в России нигилизмом. Чем обернулось восприятие марксизма – еще на памяти старшего поколения. А на памяти

среднего и младшего поколения – прокатившееся по отечественной философской культуре цунами французского структурализма.

«Догоняюще-рецептивный перевод» проявляется даже в том случае, если речь идет о фактическом возвращении собственно отечественных идей – как это было, например, с М.М. Бахтиным, который предстал в 1970-х чуть ли не правоверным структуралистом. Показательна в этом плане реплика Ж. Деррида, который в один из своих приездов в Россию заметил, что здесь в идею деконструкции (в которой, как он сам полагал, только развиты некоторые идеи В. Шкловского об остранении и сделанности) вносят какой-то дополнительный смысл. Думается, что Деррида уловил отмеченную выше особенность российской философской мысли – искать в безобидных, в общем-то, кабинетных дискурсивных практиках ответ на предельные вопросы личностного бытия, прямого руководства к действию. Особенно, если эти идеи приходят из-за рубежа.

Такое переосмысление, погружение в российский контекст свойственно не только отечественной философской культуре. Достаточно напомнить пересказы зарубежных литературных сказок, осуществленные А. Толстым в «Приключениях Буратино», В. Волковым в «Волшебнике изумрудного города», Н. Носовым в «Приключениях Незнайки», в которых первоисточники были подвергнуты радикальной трансформации.

В конечном счете, во все эти «переводы» и «автопереводы» важны именно проявлением механизма рефлексии, необходимой для самопознания воспринимающей культуры. Более того – необходима черновая работа гуманитариев, раскрывающая механизмы и процедуры такой рецептивной рефлексии. И трудно найти более наглядный материал такой работы, чем данный многостраничный текст А. Люсого.

Да и сам автор – чрезвычайно яркая фигура современного отечественного гуманитария, сталкивающегося с потоком смыслообразования: нашествия текстов и смыслов, порождаемых как самими текстами, так и их интерпретациями. Наиболее явно этот процесс представлен в разделе «Точечная философия», в котором собраны авторские рецензии – рефлексии на издания зарубежных авторов и издания отечественных современных и ранее малоизвестных философов вроде С. Фуделя.

Смысл слова, как известно, из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста. В жизни самой по себе смысла нет, но есть проблема смысла жизни, который может быть выявлен только при выходе за пределы конкретной человеческой жизни в ее «контекст», придающий ей этот самый смысл. Иначе говоря, для осмысления и понимания чего-то нужно выйти в out, занять позицию «внеаходимости». В этом плане А.П. Люсый на-

шел удачную реализацию такой стратегии: позиция рецензента — блестящая возможность не только мониторинга потока философских и околофилософских публикаций, но и рефлексии над самим процессом. Подобная персонологическая внеаходимость, во многом, факт личной биографии А.П. Люсого — пожалуй, наиболее плодотворного отечественного рецензента литературы по теории и философии культуры.

Во вполне определенном смысле книга А.П. Люсого — энциклопедия текущего современного культурного процесса в нашем отечестве. И это можно было бы утверждать вполне определенно. Если бы автор не поленился снабдить издание именным и предметным указателями, глоссарием.

Особый интерес представляют отслеживаемые в книге рецепция и «самоперевод» отечественной массовой культуры. А.П. Люсый делает это на широкой панораме судьбы мюзикла в России, отечественного кинопроцесса, музыкальной эстрады, научной фантастики и т.д., и т.д.

Можно согласиться с автором, констатирующим полное торжество массовой культуры в нашем отечестве, где именно она выступает главным фактором консолидации и стабильности общества, вопреки заклинаниям социологов о первостепенном значении наличия развитого среднего класса, который в России еще толком не оформился. Торжество масскульта, с одной стороны, — признак деполитизации, стабилизации, нормализации обыденной жизни с ее тихими радостями, преодоления апофатки и акцентированного внимания к трансцендентному. Массовая культура она вся тут, в этой жизни, и несет она не такие уж плохие ценности жизненного комфорта, достатка, личного успеха, здоровья, счастья, любви, семейной гармонии... С другой стороны, торжество масскульта чревато окончательной утратой идентичности, выраженной в традиционной культуре (см. с. 261 — 271).

Думается, что не менее реален еще и третий вариант. Массовая культура транслирует вполне определенный способ жизни, характерный для современного мегаполиса. В этом смысле она дополняет жизненную компетентность личности, не устраняя традиционную культуру, а дополняя ее, как это имеет место, например в Японии. Однако реализация третьего варианта предполагает несколько условий. Дело в том, что сама по себе массовая культура (как способ жизни общества массового потребления) ни плоха и ни хороша — она имеет массу позитивных особенностей. Но она имеет очевидное негативное следствие. Она «съедает» иерархически организованную систему ценностей традиционного общества, «уплощает» ее, превращая ценности в рубрикаторы рынка массового потребления. Как в магазине «Буквоед»: хочешь про женское счастье — это здесь, хочешь про подвиги — то тут, хочешь

про божественное – пожалуйста. Хочешь про дьявольское – само собой, хочешь про любовь – у тебя спросят – про какую...

Противовесов, барьеров этой объективной игре на понижение не так уж много. Во-первых, это, конечно же, наличие полноценной элиты, задающей социуму образцы интеллектуальной, нравственной, художественной, духовной культуры. Не то что бедой, а подлинной трагедией российского общества конца XX - начала XXI столетий стало отсутствие такой элиты. Проблема обостряется, как справедливо отмечает А. Люсый (см. с. 281 – 285), в связи с уходом последних ее представителей – Д. Лихачева, М. Гаспарова, В. Топорова, Е. Мелетинского.

Другим условием успешного противостояния «игре на понижение» является внятная культурная политика, о которой А.П. Люсый только местами проговаривается. Однако автор отдает дань третьему необходимому условию – развитому гражданскому обществу, дающему личности возможность решать свои проблемы, объединяясь с себе подобными, вне зависимости от того, какого цвета флаг развивается сегодня над цитаделью. Рассматривая перипетии вокруг некоторых проектов реконструкции Москвы, А.П. Люсый обронил очень важную мысль об «эстетической консолидации»: «Судьба Москвы и, возможно, России зависит от того, произойдет ли консолидация московской интеллигенции не на шатких сиюминутных и политических основаниях, а на более прочной эстетической и этической базе. Только так обитатели столицы смогут выработать в себе зрелое полисное сознание, свою истинно московскую гражданственность» (с. 79). Развитие этой идеи, как представляется, выходило за рамки данной публикации, которая и без того дает чрезвычайно много для понимания источников и направления развития современных культурных процессов в России. Более того, без систематического осмысления «нашествия качеств», их «перевода» и «автоперевода», вроде демонстрируемого в данной книге, искомая «эстетическая и этическая» база консолидации общества будет носить фантомный характер опасного фэнтези. В свое время М.М. Пришвин писал, что в начале прошлого века петербургская и московская интеллигенция держалась за столб дыма – вот ветер и подул.